

„Северный огонек“

Литературная страница

СЕРГЕЙ СМЕТАНИН

ОТВЕТ

Да, горжусь происхождением я своим, Малой родиной с ее седою славой. Есть в Башкирии поэт Мустай Карим — Мой учитель многодумный и кудрявый. Колыбель ему была ковыль-трава, Воспитали высотой орлы степные. Это он сказал известные слова: — Я не русский, но я родом из России. Будут годы, пролетят и пробегут, Кто-то спросит, подводя меня к ответу, Почему я выбрал именно Сургут, Обменяв на всю страну и всю планету! Почему предпочитаю эту ширь, Неоглядые просторы снеговые! Почему я выбрал именно Сибирь! Я отвечу, что я родом из России.

МОЯ ПОЭЗИЯ

Поэзия моя! Поэзия моя! В. Луговской Ни в физики, ни в лирики не лезу я, Ни в критики, ни в гости, ни в друзья. Пусть в этом и в другом — своя поэзия своя. А у меня поэзия своя. Меня ведут не скука и не истина, Я к ним расположенья не припас, И не стена мне то, что впереди — стена, А то, что я прочту из ваших глаз, Я бережно в ладонь лады веселые Возьму, как путник пригоршню воды. И расцветут пред нами правды голые, Пока у нас с гитарой лады. Я не из тех, кто выдает предел за даль: Кому — лентяй, кому — энтузиаст. И не печаль мне то, что впереди — печаль, А то, что я прочту из ваших глаз. Меж нами никакой другой взаимности: Сомненье, самоменье и слеза Не стоят той единственной интимности, Чем та, что предо мной — глаза в глаза. Пусть мир — Иерихон, и пусть гудит труба, Но я пою вам не в последний раз. И не судьба мне то, что впереди — судьба, А то, что я прочту из ваших глаз. С утра в моем городе пахнет бензином, Да так, что почти невозможно дышать, Но выбора нет — надо быть гражданином, И я продолжаю куда-то бежать. Другие давно разобрались по аптекам:

Вдохнуть кислорода да в клинику лечь, Но выбора нет — надо быть человеком, И я не о них завожу свою речь. Я с детства вздыхаю о воздухе чистом. Наш смог свалит с ног и слона, и коня, Но выбора нет — надо быть оптимистом, И бешеный смех разбирает меня. * * * Не помню начала того разговора, Сейчас бы, конечно, все было не так. А вышла какая-то глупая ссора: Схватились, сцепились, «спустили собак». ...На южном вокзале веселый бездельник, Свободной скамьей со мною делаясь, Сказал, что на Севере все из-за денег — Рабочего класса продажная часть. Меня это лично касалось едва ли — Я денег напрасно в тот день не швырял, Не в западных лавках меня одевали, Не ныл на зубах благородный металл. Но было на этом цветущем курорте Мне так уж обидно за всех земляков, Что я чуть весь отпуск себе не испортил, Когда показал ему, кто я таков. Ему я сказал (не на вечную память), Но так, чтоб запомнил хоть на год вперед: — «Продажная часть» — пред твоими очами, Но знай, что «купил» нас советский народ. Я, верно, на Север попал за деньгами, Но это признание не счел бы стыдом, Ведь я за деньгами не бегал кругами, Я их зарабатывал честным трудом. Я вряд ли сказал это складно и цельно: Он вырвался, долго бежал во всю прыть, А я все запомнил! Я рад беспредельно — Я высказал то, что имел говорить. * * * Последняя роскошь ушедшей зимы — Снежок, осыпающий землю в апреле. Пусть где-то на юге — сады в акварели, Какое нам дело до их кутерьмы, У нас еще шубы в ходу и пимы. Ты видишь? Сургут, как дитя в колыбели, Примолк на равнине меж света и тьмы Так тихо, как будто смирились и мы. Так тихо, что слышится: сны полетели Невинные души искать и умы. А мы выходить никуда не хотели!..

ЧИСТОЕ НЕБО знойного дня словно опрокинулось в ливу и сделало ее бездонной. Там, на недостижимой глубине, застыло на одном месте кудрявое облачко, которое при каждом всплеске на поверхности приходило в движение и казалось лебедем, встряхивающим перьями. В изящном полете бесшумно скользили над водной гладью длиннокрылые чайки, высматривая рыбные косяки. Временами падая камнем, они вздымали снопы искрящихся брызг и рождали круговые, разбегающиеся волны. Выхватив из-под воды добычу, чайки уносились в сторону песчаной косы.

Сидя в долбленке, опустив весла, Тюнев отдыхал, любуясь окружающим миром и его зеркальным отражением — похожим и непохожим, знакомым и сказочным... На дне лодки, сверкая серебром чешуи, подергивалась и переливалась, как ртуть, масса мохтика. Тюнев запустил в нее руку и, привскинув несколько рыбешек, бросил взгляд вверх, где кружили чайки. Одна из птиц, сдержав полет, вдруг зависла над лодкой и, перейдя в плавное падение, опустилась на корму. — Привет, Чака! — сказал Тюнев. — Угощайся. Чайка покрутила головой, поглядывая глазобусинкой, и, припорхнув к ногам Тюнева, схватила рыбку. Вслед за тем, слов-

но подхваченная восходящим потоком воздуха, она взмыла к небу. Проводив ее взглядом, Тюнев взялся за весла и направил лодку к песчаной террасе, под спасительную от зноя тень прибрежных кедров. Растянувшись там на песке, положив под голову широкие ладони, он стал

— Ой! — вскрикнула Мария, роняя из рук пряжу. — Что это?! Замерев в ожидании, она впиалась взглядом в голубой квадрат неба, обрамленный оконной рамой. И тут снова что-то налетело, затрепетало и сползло вниз. — Никак курица взбесилась? — удивилась Ма-

Они спустились с крутого берега к воде. Петро запустил мотор. Разбрасывая по сторонам веера брызг, лодка понеслась вслед за чайкой. ...ТЮНЕВ ЛЕЖАЛ, сковаанный по рукам и ногам густыми, увесистыми ветвями-лапами. Не дождался великан осенних дождей, рухнул от собственной тяжести, потеряв опору.

«Вот и все... Вот и конец...» — думал Тюнев.

Он представил одинокую, с пряхей в руках, быстро состарившуюся без него Марию, ее потускневшие, выплаканные глаза, прохудившуюся крышу, которую некому починить. Представил даже холмик собственной могилы у леса, и ему стало горько и больно, что не будет он больше жить с Марией, и никому не будет до нее заботы... Но... что это? Вверху, за ветвями, как наваждение, внезапно затрепетали белые крылья. Надрывный крик резанул слух и ударил в сердце.

— Чака... дорогая.. дружище... — прошептал Тюнев, и слезы потекли по его скулам.

Потом он услышал человеческие голоса. Скосив в ту сторону глаза, он увидел, как от берега, обгоняя друг друга, к нему бегут Петро и Мария. Облегченно вздохнул. А вверху над ним белым росчерком по синему небу еще раз промчалась Чака.

О. Рихтер ЧАКА * Рассказ

рассматривать впечатляющую своей суровой экзотикой картину.

Из стены яра, источенного паводками и ветрами, торчали могучие корни, похожие на гигантские корявые руки. Столетний ствол, угрожая падением, нависал над террасой, создавая островок уютной прохлады.

Глядя на голубые просветы-зайчики, Тюнев с сожалением думал: «Скоро рухнет этот красавец. Может быть, осенью в дожди. А жаль...»

Постепенно дремота стала одолевать его, глаза затуманились, веки, как шторы, поползли вниз, губы прошептали еще раз: «жаль...», и он уснул.

...ЧТО-ТО БОЛЬШОЕ, белое, похожее на снежный ком, глухо ударило в окно... Через минуту удар повторился, рассыпаясь по стеклу в частую дробь.

рия, заметив мелькание белых крыльев, и выбежала на улицу из избы.

Тут же, взволновав полусонную тишину деревушки, заметались в воздухе пронзительные крики. Над головою Марии кружилась и кричала встревоженная чайка. Из соседнего двора вышел сосед и, задрвав голову, застыл, глядя на необычное поведение птицы.

— Кажись, Мария, она тебя клонит метит, — сказал он.

— Не, Петро. Ты гляди-ко. Она будто на речку зовет. Вишь? Отлетит к берегу и вертается.

— Угу. Может, до твоего Аркашки кличет? — высказал догадку Петро.

— Ой, правда! Не беда ли какая? — всполошилась Мария.—Давай-ко на моторе да за нею. Кто знает...

Панорама родного края

Зимняя фантазия.

Фото Л. Березницкого.

ПОКАЯНИЕ

...Мы привыкли соблюдать субординацию. Повсеместно уповаем на прогресс... Мы с трибуны поднаторели распинаться, дифирамбы петь по поводу и без. Мы детей своих воспитывать забыли как. Глядя в зеркало, себя не узнаем! То спешим, как будто пять минут до вылета. То, опомнившись, билеты вдруг сдаем. Адреса своих друзей давно забыли мы — доверяем память книжкам записным! Но струится страх по нашим спинам взмыленным от сознания неискупленной вины. И в глухой ночи, опухнув от бессонницы, мы безжалостно себя на суд ведем: в покаянии забытое — припомнится... Но не поздно ль это мы осознаем? Вячеслав ШЛЯХОВ.

* Из почты «Северного огонька»

МЫСЛИ ВСЛУХ

Какое счастье, среди заснеженных вершин На дне распахнутой души ущелья, Припав губами к родникам еще живым, Познать всю радость светлого общенья! * * * Смешно и грустно, не пройдя ни метра, Ждать в темном доме солнечного ветра.

КАПЛЯ ЧИСТОТЫ

Рукою мокрой и холодной Я капли дождика ловлю, Поймаю чистую, большую И вдруг на землю уроню. Но грязных капель с крыш и с веток Я не хочу, я не беру,

Ведь мы по капле собираем Характер, душу и судьбу.

ДАР ПАМЯТИ

Мне память дарит иногда Потерянную навсегда Твою осень И сердцу жалуется тепло, Как сквозь замерзшее стекло

Небес просинь. Я за остывшие мечты В пустых метанях суеты

АДАЖИО

Я тебе адажио Подарю, мой милый, И слезами сглаживать Буду все обиды.

Правдою, неправдою Силой и бессильем Я тебя оправдывать Буду перед миром. Жаркими ночами, Сонными разлуками, Счастьем и печалью, Пламенными муками И любовью сглаживать Буду наши вины. ...Я тебе адажио Подарю, мой милый. Татьяна ГУРЬЯНОВА.

ВОСТОЧНЫЙ МОТИВ

Стоим над бездной у крутого перевала. Измождены. На нас без счета ран... Хоть путь наш в Мекку труден, но Коран велит идти во что бы то ни стало. Всего лишь шаг ступить ни нам, а потом — иль примем смерть, иль радость избавленья. Узка тропа, и нет нам отступленья. ...Но как иной раз тяжело нам бывает, Когда на шаг решиться духу не хватает!

Александр ПАВЛОВ.